

Как живется?

Кинорежиссер Владимир Грамматиков постоянен в своей любви к детскому кинематографу. Его фильмами «Тайфун, фас!», «Все наоборот», «Руки вверх», «Усатый нянь», «Шла собака по роялю», «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» засматривалось целое поколение детей и подростков, ставшее сейчас совсем взрослым.

Владимир ГРАММАТИКОВ:

«Все будет хорошо, если нас не забьют палками»

— Со смертью рыцаря подросткового кино Динары Асановой фильмы на эту тему навсегда ушли с наших киноэкранов.

— Да. На мой взгляд, подростковое кино закончилось именно с ее уходом. Она мужественно пробивала сценарии своих фильмов. Подростковое — значит, социальное, сразу проблемы, сразу неприятие. Многие возражали против него. Но она как человек упорный и талантливый делала свое дело. К сожалению, среди тех немногих сценариев, которые я читаю в разряде детского фильма, я совсем не встречаю сценариев подростковых. Я не говорю о какой-то остроте, а даже о нормальной школьной жизни, о любви, об отношениях с родителями и друг с другом. Я думаю, что об этом не пишут, потому что драматурги понимают, что нереально сейчас найти на это деньги.

— Наш прокат не в состоянии вернуть деньги, вложенные в это кино?

— Люди вообще перестали ходить в кинотеатры — хоть на взрослые фильмы, хоть на детские. Они, видимо, хотя бы пытаются индивидуальным потреблением: диван плюс видик. Наши люди долго были толпой и воспринимали все толпой, теперь они этого не хотят. Но это ненадолго. Я убежден, что мы рождены, чтобы вместе переживать забытый гол на стадионах и фильмы в залах.

Есть путь вернуть зрителей в кинотеатры: привести наши кинотеатры в совершенно другое пространство. Киноте-

атры наших родителей были тем единственным местом, где в пятницу, субботу, воскресенье непременно собирались все: поселок, город, деревня. Сейчас это дискредитированное место. Кинотеатры находятся в ужасном техническом, эстетическом и нравственном состоянии. Надо создавать там многозальные центры, где можно было бы выпить кока-колу и пиво под орешки и, главное, пообщаться. В них нужно установить долби-звук и хорошую проекцию, только тогда они смогут составить конкуренцию видео. В «Артеке» я проводил опрос среди детей, и оказалось, что среди них есть такие, которые в возрасте семи лет ни разу не были в кинотеатре.

— Лично вы с вашим авторитетом, если бы захотели, смогли найти деньги и спонсора на съемки детского фильма?

— Год назад я должен был снимать фильм «Маленькая принцесса» по книжке известного автора Френсис Бернат. Это такая нравственная литература конца века. Сейчас мировой кинематограф внимательно разрабатывает этот пласт. Рассказанные там человеческие истории очень простые, очень чувственные и эмоциональные, в основном лежат в области человеческих отношений. Владимир Железников, автор знаменитого «Чучела», написал превосходнейший сценарий, мы построили в Ялте огромные декорации улиц Лондона, сшили костюмы конца века, надели реквизит, подобрали детей-актеров (действие там

должно было происходить в девичьем пансионе). Картину же я хотел снимать о человеческом достоинстве, которое даруется с детства каждому. Другое дело, кто и как им распорядится: либо ты его с ранних лет совершенствуешь, либо теряешь раз и навсегда, либо системой поступков медленно его растрчиваешь. Девятого октября прошлого года мы должны были начать съемки, но не начали, потому что кончились деньги.

— Деньги на «Маленькую принцессу» вам давало Роскино?

— Да. Мы делали сознательно чисто российскую картину, потому что были уверены, что она может стать фестивальной. А когда иностранные партнеры выступают на фестивалях, то они сразу же занимают там лидерство. Поэтому мы решили отказаться от услуг шведов и немцев, стали делать картину сами, но у нас кончились деньги. А из российских спонсоров пока никто мне их не предлагал.

— В кинематографе почти всегда вы обращаетесь к теме детства. Почему?

— Я снимал и детское, и взрослое кино. Это зависело от моего состояния. Обязанность каждого художника быть не диагнозом, а целителем. Очень легко поставить диагноз — расшевелить раны, обличить кого-то. Но высшая художественная задача — все же исцеление. Однажды я все же снял картину не исцеляющую, а диагностическую, картину-предчувствие «Сестрички Либурти». Я чувствовал время, которое грядет, я знал, что, как

только мы начнем распределять Советский Союз, часть собственности, гардероб двух сестер, — мы придем к духовной гибели и даже физической, а другая — духовно. Сейчас я не понимаю времени, поэтому я не снимаю кино на современную тематику. Я не могу утверждать, что я дезориентирован. Нет, я остаюсь с моими человеческими и художественными принципами и не собираюсь их менять ни при каких обстоятельствах, но в то же время хочется работать и говорить о серьезных вещах. Серьезные же для меня вещи — это дети.

— А телепередача, которую вы сейчас снимаете, — это фсказ или тоже искренне?

— Это подарок для меня — снять образовательно-просветительско-развлекательную программу в 52 сериях. Она предназначена для детей дошкольного возраста и должна сделать то, что не успевают сделать родители: объяснить ребенку, что мир, в который он вошел, не такой страшный и жуткий, как ему кажется. Сделанная в форме игры, она должна научить самым простым вещам: что есть вход и есть выход, что есть «холодно» и «горячо», что есть разные национальности, что существует конфликтная ситуация, которую можно обойти. В основе проекта — американская идея. Она возникла двадцать пять лет назад, когда обратили внимание, что дети потрясающе запоминают рекламу, слоганы, всякие

«приколки». И тогда решили, что надо сделать детскую передачу, но только не рекламную, а просветительскую, но тоже в форме дайджеста, очень короткими кусочками, но много раз повторяющуюся, про одно и то же, но с разных сторон. Сейчас эта передача идет в ста двадцати странах. И каждая страна сдает в открытый общий котел отснятые сегменты: австралийцы, шведы, немцы, китайцы, поляки и чехи. Мексиканцы не приезжают к нам снимать нашу зиму, потому что это очень дорого. Что такое снег и сосульки? Сюжет об этом снимаем мы и сдаем его в общий котел. А у мексиканцев взамен берем сюжет о пустыне, где рассказывает, что такое жара, пальмы и бананы. То есть не меняемся деньгами, а меняемся информацией и культурными программами.

— Вы руководитель российского проекта?

— Да.
— Когда эта программа появится на нашем ТВ?

— В октябре. Она будет выходить три раза в неделю на протяжении двух лет в шести повторах. И если приживется, если нас не забьют палками и не скажут, что мы портим наших детей и российский менталитет, то будем снимать дальше.

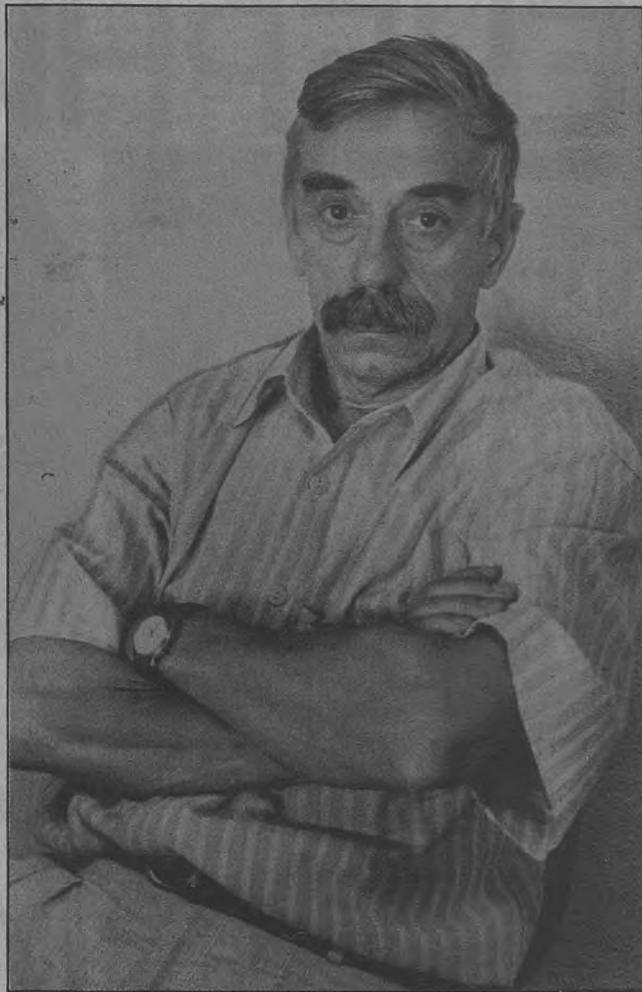
— Детский кинофестиваль в «Артеке» тоже поле вашей деятельности?..

— Фестиваль в «Артеке» зародился четыре года назад. В одночасье гигантскую структуру отключили от гигантского кармана ЦК ВЛКСМ. Пахмутова играла на артековских площадках, и балет Большого театра танцевал, и вдруг все закончилось. Чей «Артек»? Он принадлежит России? Нет. А кому принадлежит, Украине? Да, вроде Украине. Нет, он принадлежит Крыму. И так далее. И только волей одного человека — директора «Артека» Михаила Михайловича Сидоренко сотрудники объединились и сказали: раз мы ничьи, то мы будем выживать сами. В это время я приехал к ним с премьерой своей сказки «О купеческой дочери и таинственном цветке», увидел их ситуацию. И сказал: не могу обещать чего-то большого, но собрать пять — семь фильмов детских и привезти их сюда я всегда смогу. Так родился первый фестиваль. Потом был второй, третий, в этом году был уже четвертый. Он бесхитрошный, потому что дети собрались — пять тысяч, и для них нужно только привезти фильмы.

— Если бы артековскую программу показать в каком-нибудь кинотеатре, там был бы полный зал?

— Естественно. Мы возим программу «Эхо Артека» в Обнинск, в Тулу, в Челябинск, Уфу. Полные залы родителей и детей. Все благодарят. К сожалению, мы не можем делать это по всей России, это государственная деятельность, но хотя бы мы чуть-чуть пытаемся часть ниши закрыть.

Беседовала
Анна ФУРТИЧЕВА.
Фото
Игоря ИВАНДИКОВА.



27 августа — День российского кино